

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛИЗКОМ ЧЕЛОВЕКЕ И УЧИТЕЛЕ

Благодарю судьбу, что она подарила почти полувековое общение с человеком с большой буквы и Учителем от Бога Кашковой Валентиной Федоровной. Она стала мне родной, незаменимой, особенно после многочисленных бед и потерь, когда особенно осознаешь цену понимания, постоянства, заботы, участия...

Но до конца её дней я обращалась к ней на «ВЫ», Валентина Федоровна, потому что она, прежде всего, была для меня учителем, несмотря на близость и теплоту в отношениях.

Впервые я увидела невысокую хрупкую девушку на конкурсе ко Дню Победы 1960 года в Торжокском педучилище, где тогда я училась на школьном отделении. Она читала рассказ «Русский характер» А. Толстого, читала так, что у всех на глазах были слезы. Я такого чтения не по радио никогда не слышала. Позднее узнала, что это не выпускница, а преподаватель русского языка и литературы, узнала. Как её любят учащиеся.

Когда наш класс готовил инсценировку по сказке А.Пушкина «О попе и его работнике Балде», А.К.Федотова, наша преподаватель литературы пригласили на репетицию Валентину Федоровну. Она очень деликатно стала давать советы. Умудренная опытом, громогласная, не терпящая возражений, Анна Кузьминична, со всем соглашалась. Мы поняли тогда, что Валентина Федоровна пользуется большим уважением и среди коллег.

По окончании педучилища я проработала четыре года в сельской школе. Летом 1965 года меня встретил наш любимый преподаватель истории, только что назначенный директором педучилища Семёнов Федор Николаевич и предложил мне возглавить комсомольскую организацию училища. Предложение я приняла, и началась бурная комсомольская деятельность: собрания, вечера ,КВНы, пионерский лагерь по подготовке вожатых, концерты, встречи с интересными людьми, устные журналы... В процессе работы возникала необходимость музыкального оформления, подготовки сценариев и т. п. И безотказную помощь я получала от Валентины Федоровны и А.Ф. Наумова. Находясь в гуще жизни учебного заведения, видела, как высоко оценивали работу преподавателя Кашковой коллеги, учителя школ города, слушатели всевозможных курсов повышения квалификации, семинаров директоров и завучей средних специальных заведений ...

А любовь учащихся была к ней безгранична. К выпускному классу даже почерки девушек изменились: они писали, как пишет Валентина Федоровна

А щедрость Валентины Федоровны я оценила, когда она взялась помочь мне в подготовке курсовой работы по русской литературе первой половине 19 века (я тогда училась в Калининском пединституте). Преподаватель института профессор В.А. Никольский знал, что Валентина Федоровна с группой преподавателей и учащихся Торжокского педагогического училища совершила поездку в Берново, что она работает над темой «Пушкин и Тверской край», и дал мне курсовую на ту же тему. Валентина Федоровна в помощи не отказывала. Защищала я свою работу на кафедре русской литературы, используя фотографии, подаренные Валентине Федоровне известным уже тогда фотомастером Б. Михайловым, который тоже был в экспедиции.

Особенно надо отметить, что с осени 1966 года началась в училище подготовка к 100-летию юбилею. «Мозговым центром» этого мероприятия стали Виктор Карлович Каганкевич и, конечно, Валентина Федоровна. Решено было создать на четвертом этаже два музея – экспозиции: «Музея истории училища» и «Писатели и поэты в Тверском крае». Все: учителя, студенты, пенсионеры, выпускники – самозабвенно собирали материалы, работали в архивах выискивали фотодокументы... А обрабатывала приносимое Валентина Федоровна, приводила в стройную систему. Макеты обоих музеев, подборку изобразительных материалов, подписи к фотографиям делала тоже она.

Это было время особого праздника, гордости за родное педучилище и причастности к его истории. А литературный музей, как мы его называли, стал первой попыткой в городе показать в экспозиции связи писателей и поэтов с нашим краем. И конечно, материалы об А.С. Пушкине подготовлены Валентиной Федоровной.

В октябре 1971 года отметили столетний юбилей Торжокского ордена Трудового Красного Знамени педагогического училища им. Ф.В. Бадюлина. Все удалось, и в этом была огромная заслуга Валентины Федоровны, её организаторских качеств, обаяния, глубокого знания фактического материала, эпохи...

А в декабре того же года Валентину Федоровну постигло неутешное горе – умерла от сердечного приступа её мама, Ольга Константиновна, в возрасте 63 лет.

Я общалась с Ольгой Константиновной. Это была мудрая добрая женщина, которая посвятила жизнь дочери. Всю многочисленную корреспонденцию Ольга Константиновна просматривала, делала заметки, что обязательно необходимо ей было прочитать. От неё я узнала о детстве Вали, что новорожденную девочку, когда принесли из роддома, обложили сиренью (лето 1933 года было поздним), как долго и тяжело Валя болела ревматизмом (простудилась на катке), как лечили её сенной трухой, как она не ходила в школу, но от своих одноклассников не отставала. Мама гордилась пятерками дочери, её красным институтским дипломом. Ольга Константиновна понимала,

насколько трудна работа учителя и копила в течение года деньги, чтобы дочь поехала летом отдохнуть.

А насколько дом Кашковых был хлебосольным. Даже если человек заходил «на минутку» усаживали за стол. Помню рыбные пироги, рыбники, такого кушанья я не ела больше нигде. Этот обычай от мамы унаследовала и Валентина Федоровна. Она умела принимать любого гостя, умела готовить, особенно любила поваренную книгу 19 века, экспериментировала на кухне.

Похороны Ольги Константиновны стали делом педучилища. Я получила бумаги и разрешение на погребение на Богословском кладбище...

После смерти мамы Валентина Федоровна осиротела в полном смысле слова – из родных не осталось никого. Я видела, как мужественно Валентина Федоровна переносила горе. На третий день после похорон подготовилась к урокам, взяла в руки свой портфель и пошла на работу. Чуткий Федор Николаевич Семёнычев «добыл» (тогда добывали) санаторную путевку. Валентина Федоровна уехала, а ее уроки поставили заменять меня. Прежде я вела немногие уроки вместо неё, когда она ездила в турпоездку по Чехословакии или в город побратим Савонлинну (Финляндия).

С этих пор мне доверили быть преподавателем русского языка и литературы в педучилище, а с Валентиной Федоровной мы сошлись совсем близко, стала она для меня более чем родным человеком, мы начали помогать друг другу и в житейских делах. Я всегда получала от Валентины Федоровны дельный, единственно правильный совет, она умела выслушать, разделить и горе и радость.

Но в профессии мне было трудно: приходилось много работать, чтобы за дело не было стыдно. Зато сколько радости, когда Валентина Федоровна хвалила. Будучи председателем предметной комиссии словесников, Валентина Федоровна умела поддержать, посоветовать, помочь.

Её большая деятельность в общественных масштабах города и области, труд писателя и краеведа никак не отражались на работе в училище. Она всегда была образцом Учителя, Гражданина, коммуниста.

На любом собрании или педсовете коллектив ждал выступлений Валентины Федоровны. Все замолкали и боялись пропустить хотя бы одно ее слово. Говорила Валентина Федоровна негромко, четко, убедительно, доказательно, предлагая возможные выводы из создавшейся ситуации. Ей доверяли, с её мнением считались все, даже руководители высокого ранга.

Помогала Валентина Федоровна создавать в коллективе хорошее настроение. В училище часто проводились вечера отдыха, капустники. Она сочиняла частушки на злобу дня, сценки, слова на популярные мелодии. А какие учительские стенгазеты выпускали они с М.А. Кузевой, по два три листка ватмана в прекрасном оформлении А.Ф. Наумова или Н.В. Калмыкова.

Называлась газета «Мысль». Интерес к стенной печати тогда был потрясающий, ждали очередного номера с главной для коллектива мыслью.

Читала Валентина Федоровна много. Через МБА выписывала литературу, покупала, собирала книги, необходимые в работе. Почти 2000 томов было в её домашней библиотеке. Особенно любимым и необходимым был шкаф, где жили книги о Пушкине.

Из родового дома на Ржевской улице Валентина Федоровна с мамой переехали в кооперативный дом по ул. Дзержинского. Мудрая Ольга Константиновна понимала, что поддерживать дом двум женщинам не под силу. Валентина Федоровна стала собственником двухкомнатной «хрущевки», за которую заплатила всё до копейки. В квартире было просторно и уютно, прибрано, мебель самая необходимая стояла без претензий на моду. Главное место в комнате – письменный стол у окна, исторический стул (потому что со Ржевской) и «пушкинский» шкаф. Потом появилась печатная машинка «Эврика», на которой отпечатаны рукописи всех ее книг. Записывала она свои мысли сначала от руки, делала многие правки, вклейки, вставки, и лишь выверив, «ставила» на машинку. Каждый вариант скрупулезно проверяла, уточняла. Поэтому, фактическому материалу в ее книгах можно верить безоговорочно.

Писалось и печаталось ей физически нелегко – кисть правой руки сгибалась плохо и быстро уставала. Работать любила по вечерам, хотя письменный стол привлекал ее в любое время, если этого требовало дело. Когда что-то «вырисовывалось» (как она замечала), Валентина Федоровна приглашала меня и читала, проверяя, как созданное воспринимается на слух. Не знаю, по каким внешним проявлениям она чувствовала, что я чего-то недопонимаю, задавала вопросы и тут же правила, ставила заметки. Каждую рукопись, конечно уже в напечатанном виде, давала прочесть. Научила, как записывать замечания. И, что для меня лестно, доверяла моему мнению, но твердо отстаивала важное для себя.

К любимым вещам Валентины Федоровны относилась и старинная «зингеровская» ручная швейная машинка, «белошвейка» - как называла ее хозяйка. Мы жили и в то время, когда хорошую одежду «доставали» по случаю. Но выглядеть хорошо нужно было всегда. Вот тогда-то и пригодилось умение Валентины Федоровны шить (она научилась этому ремеслу от мамы). Сама рисовала эскиз будущего платья, сама кроила и шила. Выглядела Валентина Федоровна всегда нарядной, одевалась со вкусом. Помню, на одном из приемов в Финляндии по протоколу она должна была быть в вечернем платье в пол. На фабрике «8 Марта» ей продали отрез крепдешина кофейно-палевого цвета. Мы его с дрожью в руках (ткань дорогая!) раскроили, собрали, примерили... Получилось шикарное вечернее платье! Как вспоминала Валентина Федоровна, никто и догадаться не мог, что наряд не от «кутюр». Все были очарованы обаятельной русской женщиной.

Действительно, Валентина Федоровна выглядела просто и элегантно. Всегда голова ее была аккуратно убрана (прическу она изменила только в последние годы), ухоженные красивые руки обязательно с маникюром. В помещении обувала туфли на каблучке. Походка ее была плавной, неторопливой, держалась она всегда прямо – голову к земле не клонила...

Валентина Федоровна никогда не воспользовалась своими льготами, которые давала ей инвалидность. В поликлинике проходила по общей очереди, сидела как все, часами. Скорую помощь, врача вызывала крайне редко. Городскую администрацию, администрацию педколледжа своими проблемами не обременяла, тяготы жизни и возраста несла как все, но с особым достоинством.

Очень любила встречать у себя дома разных людей. Круг общения её был весьма широк. И к «большим» людям, и к людям попроще она относилась одинаково доброжелательно, не акцентировала свою исключительность.

Телефон в ее квартире не умолкал: всем было нужно ее одобрение, совет, информация, которую могла дать только она. Мне кажется, что она знала все не только о Пушкине и о Торжке, но вообще все. Поставить в тупик вопросом ее было невозможно.

Некоторые люди, не знающие её близко, считали Валентину Федоровну недоступной. Это не так. Она со всеми была доброжелательна, общительна, но терпеть не могла необязательности, некомпетентности, расхлябанности.

Умела дружить по-настоящему. В доме на Ржевской появилась в пятидесятые годы квартирантка, молодая журналист Лидия Павловна Толокнова. Завязались теплые отношения двух интересных образованных людей, которые продлились около шестидесяти лет, до самой смерти Лидии Павловны. Когда Лидия Павловна стала главным редактором вышневолоцкой районной газеты, они продолжали встречаться, переписываться. Лидия Павловна организовала встречи Валентины Федоровны с читателями в Вышнем Волочке.

До последнего часа Валентина Федоровна общалась с семьей Войцеховых, бывших военнослужащих, которые тоже нашли в свое время приют в добром доме на Ржевской. Леонид и Марина приезжали из Ростова-на-Дону в Торжок к Валентине Федоровне, и она гостила у них проездом на юг.

В последние годы Валентина Федоровна редко выходила из дома не по житейским делам, поток информации ограничивался общением по телефону, сообщениями по радио (любила «Радио России») и телевизору. В прямом смысле окно в её квартире стало окном в жизнь. А было на что посмотреть: великолепный вид на Тверцу, Дальнюю Троицу с храмом, новостройки на «Марсе» и на живность за окном, на закаты... Наблюдательная женщина безошибочно по приметам определяла погоду на завтра, замечала изменения пейзажа. Многие её стихи, зарисовки рождались по ассоциациям с увиденным.

В последние лет десять она стала вести дневник (раннее времени хватало лишь на записные книжки, которых осталось множество). Из двух дневниковых тетрадей родилась книга «Утешен буду я любовью». Остались две заполненные большие тетради и начата третья... Валентина Федоровна надеялась их обработать и рассказать о времени начала двадцать первого века. Придет пора кому-то будут интересны мысли новоторки Кашковой Валентины Федоровны.

Спасибо, Валентина Федоровна, что Вы были в моей жизни, делились профессиональными и житейскими советами.

Да будет память о Вас СВЕТЛА!

Март 2012г.